

Судьба одной коллекции

А. П. Банников,
искусствовед

Одним из известнейших собирателей-патриотов Пскова был его житель, купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Федор Михайлович Плюшкин. Его коллекция, несмотря на свою исключительность, имеет незавидную судьбу — она, которую некогда профессор И. А. Шляпкин считал третьей по значимости в России, расплыена по многим музеям и учреждениям и практически недоступна как зрителям, так и исследователям¹.

Федор Михайлович родился в 1837 году в городе Валдае в обедневшей купеческой семье². Окончил только курс начального училища. После 1848 года Плюшкины окончательно разошлись и мальчика отдали к родственникам, которые использовали его как прислугу. «Федя должен был вставать ежедневно в четыре часа утра, зимой — убирать снег и чистить или мести дорожку от парадного крыльца до лавки, ходить в трактир за кипятком и заниматься с покупателями. Но самое тяжелое для него были далекие поездки по ярмаркам, куда мальчика отправляли вместе с извозчиками. Тут ему приходилось терпеть и холод и голод», — свидетельствовал современник. Аналогичная жизнь была и в Москве, куда юношу отдали «в люди» к фабриканту Бутикову, у которого он носил на себе

пудовые тюки по всему городу. В 1857 году Федор поселился в Пскове, где начал мелкую торговлю в городе и по уездным ярмаркам. Скопив сто рублей, в 1859 году он открывает «дело» — небольшую галантерейную лавчонку. Энергичный, трудолюбивый, добросовестный, честный, он вскоре составил состояние, разбогател и стал видной фигурой в торговом мире города.

Трудно сказать, когда в нем, человеке, казалось бы, далеком от искусства, зародилась страсть к коллекционированию. Примерно с 1870-х годов это увлечение приобретает более устойчивые формы, и он начинает художественное собрание, составившее к концу его жизни около миллиона экспонатов. Это был музей в самом прямом смысле слова, так как Федор Михайлович всем и всегда разрешал осматривать его, сопровождая показ собственными разъяснениями. Вначале это было занятие в часы досуга, «для отдохновения от трудов», которое стало главным интересом его жизни вплоть до самой кончины в 1911 году.

Федор Михайлович хорошо знал историю Пскова и многое сделал для сохранения его исторических реликвий. Он был активнейшим членом губернского Археологического общества и входил в совет Церковно-археологиче-

Федор
Михайлович
Плюшкин —
псковский
коллекционер

ского музея. Все свое собрание, включая японские и китайские экспонаты, Ф. М. Плюшкин собрал исключительно в пределах губернии.

Современники, бывавшие в его музее, свидетельствуют, что не было такой отрасли знания, науки и культуры, которые бы не были отражены его экспонатами. В этой всеядности, когда чучела домашних кур и уток мирно соседствовали с уникальными иконами, а коллекции игральных карт с письмами Аракчеева, была самая уязвимая сторона музея, критики сравнивали такую экспозицию с голевской плюшкинской кладовой, где хранится все, что жалко выбросить. Но сам Федор Михайлович очень логично объяснял это тем, что продавцы тащили к нему «все», и если это не приобретать, в другой раз они просто не понесут вещи к нему. Коллекционеры знают, что действительно редкая и уникальная вещь почти никогда самостоятельно не продается, она идет в комплексе с иными, иногда малоценными, а зачастую и ненужными предметами. Но брать все необходимо. Подобной практики придерживались и другие знаменитые коллекционеры, П. И. Щукин и А. А. Бахрушин, чьи собрания ныне составляют гордость Исторического и Театрального музеев в Москве.

«Уже лестница, ведущая с улицы в верхний этаж дома г. Плюшкина (в нижнем этаже размещался магазин. — А.Б.), вся сплошь уставлена и увешана картинами, портретами, иконами, старинным оружием, утварью, скульптурой. Далее идет ряд комнат, составляющих собственно помещение музея, расположенного в жилых помещениях хозяина и его семьи. При первом взгляде посетителя поражает обилие предметов и глаза разбегаются, не зная, на чем можно остановиться. Сокровища размещены где только возможно, но без всякой системы: картины и портреты развешаны по стенам как попало, очевидно, в видах экономии места: рядом с Рембрандтом вы видите Айвазовского или какую-нибудь сатирическую картинку, портрет или миниатюру; иконы теснятся возле больших пейзажей или маленьких силуэтов в старинных рамках, а возле стен, в витринах и на шкапах, громоздятся фарфоровая посуда, самовары чуть ли не Петровского времени, старинные часы, древнее оружие и тому подобное», — писал Б. Л. Модзалевский, осмотревший музей в 1903 году³.

По описанию Модзалевского, музей состоял из следующих отделов: 1) икон, 2) древней церковной утвари, 3) церковнославянских рукописей, 4) старопечатных книг, 5) древних грамот, 6) богослужебных книг, 7) древней русской одежды, 8) старинного оружия, 9) живописи и рисунков, 10) гравюр и литографий, 11) лубочных картинок, 12) сатирических картинок, 13) автографов писателей и государственных деятелей, 14) дипломов, грамот и патентов, 15) монет и медалей, 16) печатей г. Пскова, 17) мasonicких знаков, книг и рукописей, 18) планов и карт, 19) летучих листов и манифестов, 20) собрания книг по нумизматике и истории Пскова. Кроме вышеперечисленного, были коллекции почтовых марок, серебра, фарфора, стекла, игральные карты, трубок, эротических предметов, естественнонаучные экспонаты.

Наиболее любимой коллекцией хозяина был милицейский кабинет — 84 огромных ящика, в

которых хранилось более ста тысяч монет, медалей и жетонов. Особенно полно были представлены псковские монеты. Имелись большие редкости: рубли Иоанна Антоновича, Емельяна Пугачева, Константина Павловича. Отдел нумизматики Эрмитажа обменивался с Федором Михайловичем редкими экземплярами восточных монет, пополняя таким образом лакуны своего собрания. Большая библиотека по нумизматике помогала владельцу свободно ориентироваться в монетах всех времен и государств.

Отдел церковной археологии включал много редких икон. Среди них — каменные: Спас «с мокрой бородкой», «Верую», «Николай-Чудотворец»; много икон строгановской школы; несколько запрещенных церковью. Особую редкость представлял «образ», принадлежавший некогда жестокой любовнице Аракчеева Настасье Минкиной, приказавшей изобразить себя Богоматерью⁴. Еще были распятия, кресты, драгоценные панагии, вериги, четки, церковные облачения и другая утварь. Эта часть коллекции по полноте подбора и значительности не уступала самым известным отечественным древлехранилищам.

Кроме реликвий христианства, у Ф. М. Плюшкина были собраны материалы, относящиеся к буддизму, сектанству и масонству. Масонская коллекция считалась специалистами значительнее аналогичной Румянцевского музея. Здесь имелись знаки лож, кубки, перстни и кресты, молотки и печати, шпаги и ленты, прочая атрибутика «вольных каменщиков». Часть вещей принадлежала императору Павлу I. Было много литературы и редких рукописей по истории ордена.

Этнографический отдел был самым большим по объему, в нем было все, что имело отношение к жизни псковичей с начала их истории и по конец XIX века: история Пскова, материалы о жизни выдающихся земляков, местные периодические издания, жития местных святых. Особенно любил собирать народные предметы быта, одежды и обихода: кокошники, шали, обувь, ферязи, вышивки, полотенца.

В рукописном отделении было двести семьдесят рукописей: среди них одна — XV века, восемнадцать — XVI, пятьдесят восемь — XVII, сто тридцать — XVIII и восемьдесят восемь — XIX века. Имелись грамоты Ивана Грозного, письма Н. В. Гоголя к С. Т. Аксакову, полководцев Суворова, Витгенштейна и Потемкина-Таврического, прошение Аракчеева. Отдел старопечатных книг и книг церковной печати имел сто сорок семь единиц, из них XVI века — одну и XVII века — двадцать девять. Восемнадцать книг было старообрядческой печати. Наиболее ценными, по мнению специалистов, являлись «Повесть о приходе Стефана Батория в Псков» (список XVIII в.), «Историческое описание г. Пскова и его пригородов» (1791 г.), биография князя Довмонта Псковского. Об исключительной ценности этой коллекции говорит тот факт, что семидесяти книг в 1911 году не было даже в библиотеке Академии наук⁵.

Состав картинной коллекции Ф. М. Плюшкина требует особых уточнений. Дореволюционные исследования из более чем тысячи называют картины и рисунки следующих авторов: портрет графа Николая Зубова с собачкой

работы Д. Г. Левицкого, акварельные портреты Ф. А. Пузыревского и И. И. Лажечникова⁶ (Ф. М. Плюшкин считал его портретом Ершова, автора «Конька-Горбунка») работы Карла Брюллова. Его же кисти — замечательная подписная акварель из народной итальянской жизни, написанная в Неаполе⁷, и рисунок пером, изображающий кулачного бойца, с надписью Михаила Загоскина: «Чертил левой рукой Брюллов при мне нижеподписавшимся. 1836 5 марта».

«Очень редок портрет князя Волконского, выброшенный императором Николаем после бунта декабристов», — свидетельствовал В. А. Алексеев⁸. Из портретов других художников упоминаются карандашные изображения П. А. Федотова и К. П. Брюллова (на одном листе) работы Тимма, портрет мазона Добровольского работы Жуковского, портрет неизвестного кисти Александра Орловского, датированный 1809 годом. Большинство портретов работы неизвестных художников.

Относительно портретных миниатюр, которых у собирателя было около семисот, следует сказать, что многие из них были либо чрезвычайно высокого художественного уровня, или же уникальны по редкости изображения лиц, например знаменитого русского физика В. В. Петрова. В иностранной части картинной галереи современники называли произведения, созданные Пуссоном, Тенирсом, Грезом, Буше; имелись якобы раздета Ван Дейка, Рембрандта, Невилля и других.

Судьба ценнейших коллекций музея при жизни собирателя определена не была. Владельческого каталога отделов, не говоря уже о целом собрании, Федор Михайлович не составил (в отличие, скажем, от П. И. Щукина или А. С. Уварова), не интересовался он и рыночной стоимостью своих экспонатов. Это был человек, бескорыстно собиравший великие и малые реликвии русской истории, наиболее благородный тип собирателя — собирателя «для души». Б. Л. Модзалевский, беседовавший с Ф. М. Плюшкиным в 1903 году, писал, что собиратель хотел бы уступить свою коллекцию Пскову, «причем назвал сумму, которая, конечно, невелика, если принять в расчет те богатства, которые заключает в себе плюшкинский музей». В. А. Алексеев также указывает, что еще при жизни Федор Михайлович думал о том, «как бы пристроить свое собрание в одно из правительственных учреждений». В этом случае самым подходящим из них был Русский музей императора Александра III и в 1905 году с ним были начаты переговоры. Они тянулись бесконечно долго...

Совет Министров, возглавляемый П. А. Столыпиным, признал желательным, чтобы собрание Плюшкина было приобретено правительством, тем более что иностранные торговцы стариной проявляли к нему большой интерес. С целью объективной художественной и финансовой оценки коллекции в Псков в июне 1911 года (после смерти Федора Михайловича) была направлена большая и весьма авторитетная комиссия, в которую вошли лучшие специалисты различных областей искусства и культуры, сотрудники Эрмитажа, Русского музея, Академии наук, Археологического института, Петербургского университета: А. К. Марков (нумизматика), С. Ф. Ольденбург (восточные древности), Н. Н. Врангель (рисунки, картины, миниатюры),

С. Н. Тройницкий (фарфор, стекло, серебро, табакерки), Г. Г. Якобсон (естественноисторический отдел), Н. В. Покровский и К. К. Романов (иконы и церковная археология), Н. М. Могилянский и А. А. Миллер (этнография), Э. Э. Ленц (древнее оружие), Н. А. Фаберже (драгоценности), Б. А. Тураев (египетские древности), В. И. Срезневский (рукописи и старопечатные книги), В. А. Егунов (книги), А. А. Спицын (археология), Т. О. Соколовская (масонская коллекция), Н. Д. Чечулин (гравюры и литографии). Несколько дней эксперты работали в Пскове, и каждый написал свое заключение. Эти заключения составляют большую папку объемом более трехсот листов и хранятся ныне в ведомственном архиве Государственного Русского музея (опись 1, ед. хр. 449 «Отзывы экспертов, обследовавших коллекцию Ф. М. Плюшкина в Пскове»), представляя неограниченный интерес для истории, искусствоведов и этнографов, так как там **поэкспонатно** перечислены наиболее выдающиеся реликвии плюшкинского музея.

Однако выводы экспертов, за редкими исключениями, были отрицательны. С. Н. Тройницкий, состоящий при галерее драгоценностей Эрмитажа, осмотрев фарфор, стекло, табакерки, кубки, печати и т. п., резюмировал: «Состоя из случайного подбора вещей, собрание Плюшкина, как целое, не имеет решительно никакого значения», — но все же рекомендовал приобрести часть этого раздета коллекции, 3200 предметов, за 20 161 рубль⁹.

Н. Н. Врангель, молодой историк искусства, устроитель замечательных выставок и автор множества статей о русских и иноземных художниках, сотрудник Эрмитажа и Русского музея, душа журнала «Старые годы», секретарь Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, в рапорте графу Д. И. Толстому, директору Эрмитажа, писал, что «разделю все осмотренные им картины, рисунки и миниатюры на три категории: достойные Эрмитажа или Русского музея; могущие быть помещенными в провинциальных музеях; и совершенно недостойные какого-бы то ни было хранилища и могущие быть оценены только маклаками»¹⁰. К первой категории он не отнес ни одной картины, ко второй — 33 и к третьей — 1029 картин¹¹.

Список картин, рекомендованных Врангелем для провинциальных музеев, представляет определенный интерес для искусствоведов и коллекционеров, и поэтому мы приведем его полностью, так как есть надежда опознать эти произведения в периферийных государственных и частных собраниях и установить их происхождение. Цифра после названия — рекомендованная Врангелем стоимость.

1. К. Брюллов. Нищие (акварель) — 75 р.
2. К. Брюллов. Мужская нагая фигура с авторграфом: «Чертил левой рукой Брюллов, но не подписавший». Михаил Загоскин — 50 р.¹²
3. Ф. Толстой. Аллегорический рисунок (сепия) — 50 р.
4. Тыранов. Маленький портрет Лажечникова, эскиз к портрету в Третьяковской галерее — 50 р.
5. Хаттенбергер. Подписной и помеченный 1821 годом аллегорический рисунок — 10 р.
6. Неизвестный художник. Портрет Пузыревского — 5 р.
- 7—10. А. Орловский. Четыре незначительных рисунка — 40 р.

Н. Н. Нибитин (?)
Портрет
Петра I
из бывшего
собрания
Ф. М. Плюшкина.
Псковский
художественный
музей

- 11—12. Барду. Два акварельных портрета — 20 р.
13. Рокштуль. Дамский портрет, 1831 г. — 10 р.
14. Рокштуль. Мужской портрет, 1820 г. — 10 р.
15. Рокштуль. Александр I, 1820 г. — 10 р.
16. Рокштуль. Мужской портрет, 1831 г. — 10 р.
17. Вэстерх. Портрет артистки Семеновой, 1824 г. — 25 р.
18. Неизвестный художник. Портрет графа Левашова (акварель) — 5 р.
19. Неизвестный художник. Сердце, пронзенное стрелой (любительская акварель) — 50 коп.
20. Жуковский. Портрет масона Добровольского — 5 р.
21. Прусонти(?). Подписной интерьер (акварель) — 10 р.
22. Терebeneв. Мужской портрет. Акварель 1826 г. — 10 р.
23. Вритт. Женский портрет, 1842 г. — 10 р.
24. Вегенер. Дом откупщика Квеста (акварель) — 5 р.
25. Неизвестный художник. Проект фейерверка XVIII в. — 5 р.
26. Неизвестный художник. Аллегорическая картина с фигурой князя Путятина (акварель) — 5 р.
27. Тулов. Семейный портрет (акварель) — 5 р.
28. Неизвестный художник. Интерьер с портретом Александра II и исправником (акварель) — 5 р.
29. Зенф. Женский портрет, 1808 г. — 10 р.
- 30—31. Неизвестный художник. Два портрета из собрания грузинского царевича Георгия Баграта (акварель) — 5 р.
32. Тимм. Портрет К. Брюллова и неизвестного (одна голова) Не подписан — 15 р.
33. Соломаткин. Губернаторша в церкви (масло) — 50 р.

Тридцать три произведения оценены Врангелем 510 рублей 50 копеек¹³. Как видим, в описи нет полотен Рембрандта, Ван Дейка, Пуссена и других великих мастеров¹⁴. Врангель, превосходно знавший старых западноевропейских мастеров, несомненно зафиксировал бы их в своем заключении. Вероятно, то, что считал Федор Михайлович подлинниками, было либо копиями, либо подделками. Сомневаться в атрибуционном таланте Врангеля нет ни малейших оснований, он неоднократно доказывал свои глубокие познания и опыт в определении картин даже малоизвестных, не говоря уже о фигурах первой величины. В объективности его также сомнений нет, имеется много свидетельств тому, что в своих экспертизах он был предельно честен. Об этом же говорит и тот факт, что отдельные миниатюры собрания Плюшкина, написанные известными западноевропейскими и русскими мастерами, были оценены Врангелем в чрезвычайно высокую сумму. Для Эрмитажа и русского музея он рекомендовал купить тринадцать миниатюр за 3550 рублей, причем два парных портрета за высочайшую для такого рода работ цену — по 750 рублей за каждую! Еще сто сорок две миниатюры были оценены в 1704 рубля, остальные шестьдесят пятьдесят к покупке не рекомендовались¹⁵. «Ко всему вышеизложенному имею добавить, что вся коллекция картин и миниатюр не может, на

мой взгляд, ни в коем случае быть приемлема каким бы то ни было музеем. Несомненный интерес представляют только **тринадцать миниатюр** (I категории) даже для большого музея», — заканчивал свое заключение Врангель. В. А. Егунов считал, что книг, имеющих научное значение, необходимо купить 689 томов на сумму 1765 рублей. Э. Э. Ленц докладывал, что «в целом своем составе собрание оружия ни по подбору, ни по отделке, ни по состоянию сохранности вещей не представляет такой ценности, которая могла бы открыть ей доступ в какой-либо из первоклассных музеев». Он предлагал 404 предмета, оцененных в 1903 рубля, продать любителям¹⁶.

О монетной коллекции А. К. Марков, хранитель-нумизмат Эрмитажа, писал, что она «составлялась без всякой системы, содержала множество самых грубых подделок и монет совершенно стертых и испорченных и, кроме того, заключала большое количество дублетов», но в то же время Марков отмечал: «Ввиду того, что в собрании Плюшкина содержится большое количество редких и ценных экземпляров как среди русских, так и среди иностранных, приобретение целой коллекции для всякого музея было бы желательным». За 41 475 монет Марков предполагал уплатить 24 803 рубля¹⁷.

Этнографы высказались аналогично — за эту часть собрания можно уплатить, считали они, 13 856 рублей. Академик С. Ф. Ольденбург особо отметил художественную ценность японских нецке, но для столичных музеев рекомендовал приобрести экспонатов не более чем на 300—400 рублей. За иконы была предложена совсем мизерная сумма — 3336 рублей. Оценено было пятьсот икон, из них четыреста двадцать четыре шли по средней стоимости в три рубля! За 284 церковных реликвии предложили 4623 рубля.

Профессор Б. А. Тураев оценил египетские древности в 240 рублей; приват-доцент А. А. Спицын другие археологические экспонаты — в 1489; изделия из драгоценных металлов и камней — в 2875 рублей. Две тысячи гравюр и литографий («плохой сохранности») оценивались в тысячу рублей. Исключительно высоко в научном отношении был оценен научный отдел Тирой Соколовской, известным историком. Таким образом, суммируя все вышеизложенное, вывод комиссии был почти единогласным — коллекцию приобрести частично, выбрав лучшие экспонаты, и уплатить за все это восемьдесят три тысячи рублей.

У Федора Михайловича было пятеро детей: Сергей, Михаил, Екатерина (в замужестве Гутцейт), Николай и Мария (в замужестве Ашуркова). У всех у них, в свою очередь, были дети. Большого состояния отец им не оставил, так как почти все деньги уходили на коллекционирование. Наследники решили продать собрание отца и поправить финансовое положение своих семей. Официально от имени наследников переговоры вел младший сын, Сергей¹⁸. Определенная цифра названа не была, но бульварная печать вычислила ее — 350 тысяч рублей. Естественно, такая сумма не была посылна ни одному правительственному учреждению, и покупка коллекции приостановилась. Тогдашнее общество разделилось на два лагеря — за приобретение плюшкинского собрания и против. Положительно высказывались местные псковские из-

дания, «Новое время», против — силы, группирующиеся вокруг журнала «Старые годы». Необходимо сказать, что в экспертной комиссии, ездившей в Псков в 1911 году, было два члена редакционного комитета этого журнала — Врангель и Тройницкий. Кроме того, Ленц и Спицын являлись активными сотрудниками этого издания и стояли на его платформе. Более того, Врангель, Тройницкий и Ленц служили в Императорском Эрмитаже. Остальные эксперты тоже находились на службе в императорских учреждениях. Конечно, на фоне богатейших и уникальных коллекций Эрмитажа и Русского музея сумбурное и несистематизированное собрание Федора Михайловича выглядело скромно. Коллекцию-де следовало, по их мнению, купить из чувства сострадания, чтобы здесь же и раскассировать ее, выбрав уникамы. Конечно, все это не говорилось прямо, но вежливо подразумевалось. Замечательное собрание приравнивалось по значению к лавке старьевщика.

«По-видимому, приобретение плюшкинской коллекции для музея Александра III будет отклонено, так как командированная специально комиссия нашла ее недостаточно ценной и, во всяком случае, не стоящей запрашиваемой за нее суммы (350 000 р.)», — бросали пробный шар «Старые годы» в январе 1912 года¹⁹. В октябре этого же года в журнале появляется большая заметка «К продаже Плюшкинского собрания», подписанная инициалами П. В. (Петр Вейнер, редактор-издатель «Старых годов», автор книг и статей по истории старых дворцовых собраний, знаменитый русский коллекционер). Появление этой публикации было вызвано слухами, что плюшкинскую коллекцию хочет приобрести лондонский антиквар Коген, комиссионер Британского музея, который за три раздела собрания предложил очень значительную сумму — 175 000 рублей. «За последние месяцы в печати постоянно появляются заметки с обвинениями правительства в том, что Плюшкинское собрание им не приобретено. Слава этого собрания создана газетными же статьями лиц, имеющих художественные понятия лишь самого популярного свойства, и те общие выражения, которыми восхваляется состав собрания, не могут, конечно, быть руководящими при серьезной его оценке... Конечно, если верно известие, что англичанин приобрел Плюшкинское собрание и вывезет его из России, — это жалко, так как вряд ли скоро удастся встретить вновь в продаже предметы русской старины сразу в таком количестве», — писал Вейнер²⁰.

Отсутствие денег, консерватизм правительственных учреждений, интерес западных антикваров — все это могло кончиться печально для собрания Плюшкина — коллекция реально могла уйти за границу. Это понял человек, который завершил затянувшиеся дебаты. Человеком этим был Николай II. В октябре 1913 года в русских газетах было объявлено, что император приобрел плюшкинское собрание за сто тысяч рублей для передачи музею. Деньги были взяты из кабинетных сумм, то есть из личных средств царя²¹. Аналогичную акцию он совершил чуть раньше, купив за триста тысяч знаменитую коллекцию Н. П. Лихачева, насчитывающую 1497 икон, и подарил ее Русскому музею. В конце же 1913 года он делает еще одно приобрете-

ние — у Марии Александровны Сапожниковой, жены архитектора Леонтия Бенуа, он купит знаменитую «Мадонну с цветком» Леонардо да Винчи за 150 000 рублей для картинной галереи Эрмитажа. Его щедрыми субсидиями в девятисотых годах будет пользоваться Сергей Павлович Дягилев, получивший от императора тридцать тысяч на издание журнала «Мир искусства» и столько же — на продолжение серии замечательных монографий «Русская живопись в XVIII веке».

В ноябре 1913 года Россия обсуждала новую художественную неприятность — собрание западноевропейской живописи недавно умершего знаменитого коллекционера П. В. Деларова было почти полностью продано за границу. Упрекая правительство за случившееся, Врангель вспомнил историю плюшкинского собрания: «В России «не нашлось денег» для приобретения картин Монтанья, Базаити, Фрагонара, Буше, Буальи, ван Орлея, Ластиана, Рембрандта, Яна Стэна и сотен других мастеров (собрания Деларова. — А. Б.), но, конечно, у нас оказались потребные суммы для покупки за сто тысяч рублей чучел уток и кур, вырезок из «Нивы» и Кузнецовских тракторных фаянсов из собрания Плюшкина. Это последнее, приобретенное целиком, вопреки единогласному мнению всей экспертной комиссии, что оно недостойно приобретения, признано «национальным достоянием», а владельцы его, «уступившие» этот хлам, — чуть ли не благодетелями России»²².

Очевидно, такая оценка не соответствовала истине. Коллекция Федора Михайловича была примечательна во многих отношениях, а большинство экспонатов — уникальны. Множество реликвий исчезло, и судить о них, имея только списки, невозможно. Оставшееся, распыленное по нескольким учреждениям (Эрмитаж, Русский музей, Библиотека Академии наук, Институт истории, Этнографический музей, Пушкинский Дом, Псковский музей-заповедник), стало воистину «незримой коллекцией», недоступной даже специалистам. Часть собрания, которая находилась в Пскове, была вывезена немцами во время войны и до сих пор не найдена. Неизвестно куда делись 1029 картин, «не представляющих никакой ценности». Ныне в музеях СССР их хранится несколько единиц, и как может судить читатель по приводимым репродукциям, они довольно высокой эстетической ценности.

Судьба коллекции Ф. М. Плюшкина горестна — расчлененная на части, она перестала существовать как целостный организм в 1913 году.

Теперь, по прошествии нескольких десятилетий, нам кажутся не бесспорными оценки дореволюционных экспертов, по крайней мере в отношении многих произведений из коллекции Плюшкина. Поэтому было бы оправдано вновь реконструировать (пусть и с утратами) плюшкинскую коллекцию и вернуть ее в родной город.

От автора. Выражаю благодарность работникам Псковского музея-заповедника и областного архива, Пушкинского Дома, Русского

музея, научной библиотеки Академии художеств СССР за содействие и помощь в работе. Данная статья не могла бы быть написана без деятельного участия внука Федора Михайловича Плюшкина — Андрея Сергеевича Плюшкина (г. Ленинград), которому автор глубоко признателен.

¹ О Ф. М. Плюшкине и его музее существует небольшая библиография. Это в основном газетно-журнальные публикации. Из главных трудов следует указать статьи в «С.-Петербургских ведомостях», 1878, № 32; «Псковской газете», 1886, № 40; «Новом времени», 1899, № 8549; 1900, № 8869; 1901, № 9220; 1908 от 11 сентября; «Псковском городском листке», 1900, № 71 и 1901, № 15. В 1911 году многие русские органы печати откликнулись на смерть собирателя. Некрологи о нем появились, кроме газет в журналах «Исторический вестник», «Старые годы», «Русская мысль», «Нива», «Живая старина».

В советское время ряд небольших статей о плюшкинской коллекции появился в псковских газетах. Эти публикации, зачастую поверхностные, высказали, в числе прочих, вопросы — не являлся ли Федор Михайлович прототипом «Мертвых душ» скряги Плюшкина и не сообщил ли эту фамилию Гоголю сам Пушкин, привезший ее в Петербург из Михайловской ссылки? Особенно необъективной и показывающей полное незнание архивных материалов являлась статья бывшего директора псковского музея И. Н. Ларионова «Музей Ф. М. Плюшкина», опубликованная в «Псковской правде» 12 сентября 1970 года, в которой он обвинил Плюшкина и его наследников в том, что они «не последовали благородному примеру Павла Михайловича Третьякова и не передали собрание в дар городу Пскову».

В государственных архивах имеется много материалов о собрании Плюшкина. Наиболее полным и обстоятельным собранием источников являются дела ведомственного архива ГРМ, связанные с приобретением его коллекции, особенно отзывы экспертов, обследовавших коллекцию Ф. М. Плюшкина в Пскове (оп. 1, ед. хр. 449). Материалы этого дела впервые публикуются нами. В Псковском историко-художественном музее-заповеднике в Отделе рукописей и древних книг существует небольшая личный архивный фонд Плюшкина, имеющий мемориальный характер. В фонде замечательного псковского историка Л. А. Творогова также находится ряд документов о коллекции. Личный архивный фонд Плюшкина имеется в Отделе рукописей Пушкинского Дома (ф. 502), он насчитывает 28 единиц хранения, в основном писем и рукописей. Небольшие собрания документов имеются в Ленинградском областном историческом архиве, Библиотеке Академии наук, Государственном Эрмитаже.

Наиболее важное значение для изучения собрания Ф. М. Плюшкина имеют дореволюционные статьи Б. Л. Модзалевского «Музей Ф. М. Плюшкина во Пскове» (Лит. вестник. 1903. Т. VI. Кн. 7—8) и две работы В. А. Алексеева: «Плюшкинский музей» (Спб., 1911; с портретом коллекционера) и «Ф. М. Плюшкин и его музей» (Ист. вестник. 1916. № 3; с этой же статьи существует и отдельный оттиск). Оба исследователя были лично знакомы с коллекционером и хорошо знали его собрание. Интересные воспоминания о посещении музея Федора Михайловича написала М. В. Алтаева-Ямщикова во втором (неизданном) томе мемуаров «Памятные встречи». Отрывки из них публиковались в псковской газете «Молодой ленинец» 29 октября 1970 года. Из работ последнего времени следует указать полное уважения описание коллекции Плюшкина в фундаментальном труде Г. И. Вадорова «История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век» (М., 1986. С. 194—195; примеч. с. 337—338. Здесь же приведена и краткая библиография).

² Биография коллекционера излагается по ст.: Алексеев В. А. «Ф. М. Плюшкин и его музей» // Ист. вестник. 1916. № 3. С. 176—197 (далее — Алексеев В. А.).

³ Лит. вестник. 1903. Т. VI. Кн. 7—8. С. 226.

⁴ Ныне эта «икона» находится в Государственном музее истории религии и атеизма в Ленинграде.

⁵ Рукописи и старопечатные книги Ф. М. Плюшкина начал описывать в 1898 году в «Псковских губернских ведомостях» местный археолог И. И. Васильев, но труд этот окончен не был. По этому вопросу существует следующая литература: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР М.; Л., 1951; П и к к и е в И. Редкое собрание рукописных книг // Исковская правда. 1958. 5 нояб.

⁶ По атрибуции Н. Н. Врангеля, этот портрет работы А. В. Тыранова является эскизом к портрету в Третьяковской галерее. Ныне портрет И. И. Лажечникова в ГТГ отсутствует.

⁷ Эта акварель воспроизведена в газете «Искры» (1911. № 31. С. 245).

⁸ А л е к с е в В. А. С. 191. Очевидно, речь идет о портрете князя С. Г. Волконского работы Д. Доу для Военной галереи

Зимнего дворца. Сведения Алексеева не подтверждаются другими источниками. Вот что написано об этом портрете в «Записках княгини Марии Николаевны Волконской» (Спб., 1906. С. 200): «Портрет князя С. Г. Волконского, находившийся в Зимнем дворце в галерее генералов Отечественной войны, был в 1826 году по высочайшему повелению из нее исключен; разысканный в складах дворца, он, через 77 лет, возвращен в 1903 году на прежнее место». Об этом же пишет и исследователь истории русской армии В. М. Глинка в книге «Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца» (Л., 1988. С. 119). Учитывая тот факт, что этот портрет не значился в описи картин, составленной Врангелем, думается, что у собирателя была копия с портрета Доу.

⁹ Отзывы экспертов, обследовавших коллекцию Ф. М. Плюшкина в Пскове // Архив ГРМ, оп. 1, ед. хр. 449, л. 2, 2 об. (далее — «Отзывы экспертов»).

¹⁰ Там же, л. 48.

¹¹ Интересно письмо Н. Н. Врангеля к А. Н. Бенуа об этой поездке, датированное 30 августа 1914 года, публикуемое впервые. «(...) Сегодня только утром вернулся из Пскова, куда был командирован Музеем Александра III оценить картины и миниатюры знаменитого ныне Плюшкинского собрания. О нем прокричал Меньшиков, прокричали и другие газеты, и дело дошло до того, что Комитет Министров (!) решил купить сие сокровище, чтобы «не перекупили американцы». Поручили дело милому Дмитрию Ивановичу, но он, к счастью, усомнился и решил собрать целый комитет для экспертизы. В Псков ездила экспедиция из пятнадцати человек: зоолог, минералог, археолог, бисеровед, чашковед, книголюб и пр. и пр. Зоолог увидел три чучела курицы, домашней утки и гуся: минералог — булыжники. Более комического собрания я не только не видел, но не могу себе представить. Среди тысячи духсот двадцати девяти картин (1229), осмотренных мною, десять (10) можно оценить по 10 рублей, остальные стоят от трех до пяти копеек.

Только такой гений, как Гоголь, мог угадать, что через сто лет появится Плюшкин и надо теперь ожидать Ноздрева, Петуха, Собакевича. Впрочем, Ноздрева при некотором желании может в своей области изобразить Грабарь. Если представится случай, выразите и Вы возмущение этой покупкой (370 тыс. р.), не то не дай Бог еще приобретут. (...)» (ОР ГРМ, ф. 137, ед. хр. 824, л. 54.)

¹² Воспроизведен в газете «Искры» (1911. № 31. С. 245).

¹³ Отзывы экспертов. Л. 48—50.

¹⁴ Вот еще несколько картин, выявленных мною в каталогах и искусствоведческой литературе, ранее находившихся в коллекции Плюшкина. В ГРМ хранятся три картины малоизвестных художников: Егоров Е. А. (1832—1891) «Петр I»; Львов П. (даты жизни неизвестны) «Портрет неизвестной в синем платье» 1846 года и Яковлев Г. И. (1819—1862) «Портрет молодой женщины» 1846 года. В Псковском художественном музее хранятся следующие полотна: «Никитин И. Н. (?) «Портрет Петра I»; неизвестный художник 1-й половины XVIII века «Портрет князя Е. А. Долгорукого» 1729 г.; Иванов А. И. «Селена и Эдмунд» 1797 г.; Шишкин И. И. «Часовня в лесу», Васильев Ф. А. «Вечер» и др. Пронхождение их из коллекции Плюшкина документально не подтверждено. Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику Псковского музея Р. Н. Антиповой за сведения по данной проблеме и любезно предоставленные фотографии для данной публикации.

¹⁵ Отзывы экспертов. Л. 51—52. Сорok восемь лучших миниатюр из плюшкинского собрания воспроизведены в книгах К. В. Михайловой, Г. В. Смирнова «Портретная миниатюра из собрания Государственного Русского Музея» (Л., 1979) и Г. Н. Комеловой, Г. А. Прищевой «Портретная миниатюра в России XVIII — начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа» (Л., 1986).

¹⁶ Отзывы экспертов. Л. 59.

¹⁷ Отзывы экспертов. Л. 81. О том, как оценивались монеты, свидетельствует В. А. Алексеев: «...древние монеты комиссия ценила... на вес. За серебряные назначалась цена в 13 рублей фунт, за медные — 20 рублей пуд. Некоторые монеты-уники, стоящие сотни рублей, оценивались специалистами по пяти или, в лучшем случае, по десяти рублей экземпляра!»

¹⁸ Отдел рукописей и древних книг Псковского историко-художественного музея-заповедника, фонд Ф. М. Плюшкина, ед. хр. 26, л. 1, 2.

¹⁹ Старые годы. 1912. Январь. С. 68.

²⁰ Там же. Октябрь. С. 34.

²¹ «Плюшкинская коллекция приобретена Государем Императором за 100 000 рублей и будет распределена по музеям», — сообщили «Старые годы» (1913. Октябрь. С. 50). Письмо директора департамента Государственного казначейства С. Ф. Плюшкину от 8 июля 1913 года № 23686, извещающее его о согласии Николая II приобрести в казну коллекцию древностей его отца, не указывало источник финансирования, но здесь могли быть только личные средства царя, отпускаемые по смете на содержание императорской фамилии, так как музей располагал для пополнения своих коллекций совсем ничтожными суммами. Например, Эрмитажу в 1910-е годы для этих целей выделялось от пяти до тридцати пяти тысяч рублей.

²² Старые годы. 1913. Ноябрь. С. 47.